

Роман Злотников

ИМПЕРАТОР И ТРУБОЧИСТ

Том 1. Крепостной

Москва 2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-68

Иллюстрация на переплете — *Андрей Клепаков*

Злотников, Роман Валерьевич.

3-68 Император и трубочист. Том 1. Крепостной / Роман Злотников. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-175979-7

Легко попадать в императоров. Неплохо в королей, принцев, герцогов или Великих князей. А если тебя занесло в шестилетнего крепостного, которого только что забили на смерть кнутом на конюшне? Да и сам ты не спецназовец, не крутой бизнесмен, успевший дома построить бизнес, и не гений с массой знаний о технологиях. Сколько ты протянешь, прежде чем сдохнуть?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Злотников Р.В., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-175979-7

— Что ж ты, Фирс, совсем разуменье потерял?! Аль горькой вчера перебрал? Совсем не видишь, кого учишь? — Маленькая, сухая женщина в тёплом капоре сердито наступала на дюжего черноволосого мужика, стоящего перед ней, покаянно склонив голову. — Али самого поучить как следовать быть надобно?! Убил же пащенка, как есть убил, ирод!

Дюжий мужик, молча стоящий перед ней, потупил взгляд и нервно жамкал руками потёртый заячий треух. А чего тут скажешь-то — виноват, как есть виноват...

Третьего дня во дворце покойного императора Павла, скончавшегося почитай уж два года тому назад в Санкт-Петербурге от, как официально было объявлено, «апоплексического удара» (да-да, того самого — табакеркой по голове), в котором ныне проживала его вдова с младшими детьми, случился большой пожар, практически этот дворец уничтоживший. Хотя бóльшую часть мебели, а также некоторые дверные полотна и едва ли не самое дорогое из обстановки — большие зеркала — удалось спасти.

Вызванный со съезжего двора седоусый пожарный, службу коих учредили только вот в прошлом году, обойдя с истопниками обгорелые руины, постановил, что пожар приключился от забившегося сажей дымохода. Вследствие чего всех причастных к сему делу было велено «поучить», что означало порку на конюшне. «На правило» было поставлено двадцать три человека, из которых двенадцать являлись стариками из числа дворовых, отставленными с прежней службы по при-

чине нынешней невозможности её исполнения и ныне доживающими свой век на не шибко важной должности истопника, семеро — мужиками среднего возраста, из них трое — убогие по разному виду: один сухорукий, а двое колченогие... ещё трое — подростки, а один совсем малец шести годов от роду. Но по всему выходило, что он-то и был самый виноватый. Поскольку был взят в дворцовую дворню из жалости после смерти матери-прачки и подвизался аккуратно трубочистом. Причём почистить тот самый дымоход, из-за которого всё и началось, ему было велено ещё неделю назад. Так что всё справедливо... Ну а то, что всю последнюю неделю мальчонка отлёживался в дальней кладовке, после того как один из истопников, принявший на грудь, нещадно отходил его поленом, — никто вспоминать не стал. Истопник среди дворни был человеком уважаемым, инвалидом воинской службы, а пащенок... его и так держали из милости.

Так что, несмотря на то что мальчонка по малолетству вроде как не должен был попасть «на правило» вместе со взрослыми, наказывать его отдельно никто не стал. Поэтому пришлось и ему опосля всех старших задирать рубаху и ложиться на бревно. Под кнут. А вошедший в раж после двух с лишним десятков взрослых мужиков и куда более старших и потому более крепких малолеток конюх совершил оплошку — не сдержал руку. Так что после первого же удара мальчонка взвыл, исторг из горла ступок крови и лишился духа. Что привело наблюдавшую за «правилом» ключницу или, как её ещё называли промеж дворни, «барскую барыню» в полное негодование. Уж больно жалостливо выглядел мальчонка — тощенький, шейка тоненькая, да подживающие жёлтые синяки по всему телу... Ей его жалко стало, ещё когда он рубаху стягивал, но останавливать экзекуцию она не стала. Потому что сие было неправильно. Виноват — получи. Столько, сколько положено

по «заслугам». Но смерти-то этот мальчонка точно не заслужил...

— Вот тебе ужо будет! Сам «на правило» пойдёшь, ирод окаянный! — продолжала негодовать ключница. Но тут какая-то из девок, которых многие по-старому ещё именовали «сенные», собравшихся посмотреть на немудрёное развлечение, ахнула и заголосила:

— Ой, гляньте — пащенок-то зашевелился! Живой он, живой...

Ключница резко развернулась. Ну да — малой, до сего момента висевший на бревне будто стираное бельё на верёвке, подобрал ручонки и, упёршись в бревно, с трудом оторвал от него своё худенькое тельце да потом и сел. Его тут же повело, но стоявший рядом конюх не оплошал и, шагнув вперёд, подхватил худосочного, поддержав его под руку. Тот покосился на него мутным взглядом, который с каждым мгновением становился всё более и более осмысленным.

— Ишь ты, — неодобрительно выдал кто-то из поротых истопников, — глянь-кось как зыркает. Чисто тать!

— Тебя б так приложили — ты б ишшо и не так зыркал, — сварливо отозвалась одна из «чёрных кухарок», готовивших для дворни. — Ирод этакий... Как бы сам мальчонку не избил — он бы давно б уж тот дымоход почистил!

— А вот неча, — пробурчал в ответ истопник, правда, заметно сбавив тон. — Я за государя-анпиратора кровь проливал. Потому имею право к себе уважения требовать...

— Ах ты ж пьянь подзаборная! — тут же вскинулась ключница, до которой дошло, чьих рук были те пожелтевшие синяки по всему телу. — Небось за «казёнкой» в кабак хотел мальчика послать. А того не подумал, что никто ему в кабаке ничего не нальёт. Да ещё и деньгу отберут!

— Так он никому деньгу и не даёт, — поёживаясь от располосованной спины, тихо пробурчал один из ранее

принявших наказание подростков. — Как хошь — так горькую и доставай. Хошь — воруй, хошь — своё трать.

— Я за государя-анпиратора... — снова начал истопник, но ключница его уже не слушала. Хищно ощерившись, она развернулась к конюху и строго приказала:

— Этому — ещё двадцать «горячих». Да смотри у меня — не жалей! Полно отвешивай. Потому как он и есть главный виноватый в пожаре. — После чего перевела взгляд на мальчонку. И вздрогнула. Потому что взгляд у того был совсем не детский. Жёсткий. Внимательный. Серьёзный... И до предела удивлённый.

ЧАСТЬ I

НАЧАЛО

1

Анисим Опанасович прожил хорошую жизнь. Долгую.

Родился Анисим в Ворошиловграде. Осенью сорок второго. То есть ещё под оккупацией. Впрочем, под немцами он прожил совсем немного. Не успело ему исполниться и полгода, как немчуру вышибли из города. Ворошиловград пострадал не слишком сильно — боёв в городе что во время немецкого наступления летом сорок второго, что во время освобождения его уже Советской армией ранней весной сорок третьего практически не было. Но всё одно жилось людям трудно, голодно — что в войну, что ещё долго после неё... Однако порода у Анисима оказалась крепкой. Так что к концу седьмого класса он вымахал в здорового бугая.

Несмотря на то что плату за обучение отменили как раз в год, когда он окончил семилетку, в старшие классы Анисим не пошёл, а уехал поступать в Елецкий железнодорожный техникум. Так ему посоветовал его двоюродный дядя — единственный вернувшийся с войны из всей мужской родни. Ни отцу, ни родным дядьям Анисима такой удачи не досталось... Мол, парень ты смыслённый, но оценки у тебя по многим предметам не ахти — вот и неча время тратить. Пора нужную профессию получать. Таковую, что завсегда и самого прокормит, и семью. А железнодорожник — таковая и есть. Куда стране без железных до-

рог-то? Ну а коли всё ж таки надумаешь в институт поступать, хотя бы и на заочный, — так после техникума всяко легче будет... Парень подумал-подумал — да и согласился. Тем более что с оценками и правда не очень было. Не со всеми. Например, историю он очень любил и по ней был почти отличником. Да и в математике с физикой был твёрдым хорошистом. Как и в химии. Пение ещё любил. Даже научился на гитаре брэнчать. Да-да, те самые три блатных аккорда. И рисование тоже. Отчего и с черчением у него так же было всё в порядке. А вот с литературой, биологией и всякими иными предметами типа астрономии так и не сложилось. Едва тройки вытягивал...

После окончания техникума Анисима распределили домой — на Ворошиловградский паровозостроительный. То есть, вернее, нынче он стал тепловозостроительным. С пятьдесят шестого года на заводе начали собирать харьковские тепловозы ТЭЗ. Но свежеиспечённого выпускника Елецкого железнодорожного техникума распределили на ремонтный участок, на котором в основном ремонтировались именно паровозы. Как относительно новые — «Лебедянки» (серии Л), местного выпуска, так и более старые, довоенные — Фэдэшки («Феликс Дзержинский»), Исы («Иосиф Сталин»), которых на железных дорогах страны было ещё очень много, а так же брянские «Букашки» (серия Б), «Эрки», как нашего, так и польского, венгерского, чешского и румынского производства, ну и уж совсем старенькие «Овечки» (серии Ов).

В шестидесятом его призвали в армию. Сотрудник военкомата, просмотрев его документы, усмехнулся чему-то и, бросив парню: «Сиди здесь», — куда-то ушёл. Вернулся он через десять минут с каким-то грузным старшиной-сверхсрочником.

— Вот, Никодим Евграфыч — точно по твоему профилю.

Старшина просмотрел его документы, задал несколько вопросов, после чего удовлетворённо кивнул:

— Пойдёт!

Так Анисим и попал служить на базу железнодорожного резерва, расположенную в Шумкове, что в Пермском крае.

Служба началась... с драки. Деда здесь были дико оборзевшие. Ну, так место было такое — подразделения только ремонтные и снабжения, срочников мало, учебка — чисто формальная, потому что располагается здесь же и народу в ней дай бог пару дюжин. Причём доступ в «учебный пункт» имели все призывы — от первого до третьего года службы. Так что на драку Анисим нарвался в первый же вечер... После чего Резо Габриадзе, лидер грузинского землячества, утирая юшку, угрожающе заявил ему:

— Нэ жить тэбе, хахоль! Зарэжэм!

— Я русский, — сплёвывая кровь из разбитой губы, огрызнулся Анисим.

После этого его пытались «научить» ещё три раза. До того момента, как Габриадзе не вылетел из «хлебоборезов», а потом и вообще не «зачморился», с утра, спросонья надев обоссанные галифе. И как он потом ни орал и ни убеждал остальных, что это не он... это не его... и вообще... всё это ему никак не помогло. «Пацанские» законы, по которым жили деда, такие: подставился — получай по полной!

От Анисима эти «операции» потребовали немалой сноровки и долгой подготовки, но зато привели к тому, что единая шайка его врагов рассыпалась и остаток первого года службы он дослужил относительно спокойно. А потом недоброжелатели ушли «на дембель», а на базе появились очередные новички. Так что от него отстали окончательно.

В остальном служба оказалась скучноватой. Из кипящей движухи ремонтного участка парень попал в дремотную снулость базы хранения. Хранившиеся на базе паровозы приходилось только осматривать да подновлять консервирующую смазку, в качестве

которой использовались пушсало и тавот, которые по большей части приходилось замешивать самим¹. Зато он узнал, что применяемый для изготовления пушечного сала петролатум хорошо помогает против мелких ранок, а также потёртостей и ожогов. Что было очень в тему, потому что в санчасти базы с медикаментами было очень скудно. Местный фельдшер — ефрейтор Гогохия (к недругам Анисима он не принадлежал и на попытки назвать его грузином кривился и цедил: «Я — абхаз!») — даже мазь Вишневского сам смешивал. Или, как он это гордо называл, — «линимент бальзамический по Вишневскому». Впрочем, ничего особенно сложного в этом не было. Ну, если все компоненты в наличии... Они с ефрейтором даже как-то на спор замутили «дуэль на мешанках». Гогохия нужно было замесить пушсало, а Анисиму этот самый «линимент по Вишневскому». Ничего — справился. Да и чего там справляться-то? Весь состав — дёготь, ксероформ и касторка. Из всего этого Анисим не знал только о втором. Потом в медицинском словаре посмотрел и у соратника по дуэли поспрашивал... Так что получилась боевая ничья, которую они с ефрейтором отметили разбавленным медицинским спиртом из запасов аптеки. После чего ефрейтор угодил на губу. Ну, слабоват он оказался насчёт выпивки. Хотя это было вполне объяснимо: росточку-то в фельдшере было метр с кепкой в прыжке с табуретки, а пить он пытался наравне с Анисимом, которому за размеры приказом по части официально в столовой выдавали по две порции.

К середине службы Анисим наткнулся на странную конструкцию, которая обнаружилась в углу одного из дальних складов.

¹ Серийное производство пушечного сала в СССР началось только в 1970 году. До этого момента его по большей части изготавливали в артмастерских и службах тыла прямо в частях.

— А это что такое, Никодим Евграфыч? — поинтересовался он у свехсрочника, в команде которого прибыл на базу из военкомата. Тот по прибытии сразу взял его под крыло. Понравился ему здоровый, смышлёный, спокойный парень. Так что ежели чего перенести или там с верхнего стеллажа достать — так лучше и не найдёшь. И язык за зубами держать умеет.

— Это-то? Это трактор.

— Трёхколёсный?— удивился Анисим. Старшина усмехнулся.

— И такие тоже были. Ещё до войны в Токмаке, что в Запорожье, выпускали нефтяные трёхколёсные трактора, которые так и назывались — «Запорожец». Только у них заднее колесо одно было, а не как у этого — переднее.

— М-м-м... нефтяные трактора?

— Ну да — аккурат как энтот. У них двигатели на чём хошь горючем работать могут — на нефти, на скипидаре, даже на масляной отработке...

— Чегой-то я о таких тракторах и не слышал никогда.

— Да их у нас и выпустили-то всего несколько сотен. А вот немцы у себя таких много наделали — «Ланц Бульдог», слышал такое название?

— Не-а...

— А фирма в Германии — известная. Говорят, до сих пор такие трактора выпускают...¹ Когда нашу базу разворачивали — ходили слухи, что нам такие трактора тоже на хранение поставят. Они ж совсем неприхотливые. И чинятся в любой деревенской кузне. Но потом передумали.

— Немецкие или вот такие? — Парень кивнул подбородком в сторону ржавого остова.

¹ Трактора «Ланц Бульдог» производились в Германии до 1959 года, а в Аргентине и дольше. Всего было выпущено более 200 000 экземпляров. И на полях Латинской Америки они встречались до 1980-х годов.

— Да не — такой вообще только один остался. И, насколько я знаю, его никогда серийно не производили.

Парень окинул его задумчивым взглядом, и в его глазах загорелся авантюрный огонёк.

— Никодим Евграфыч, а можно я его почию?

— Зачем тебе это?

— Ну так интересно же! Тем более отработки у нас достаточно, так что чем заправить — найдём. Ну и ежели что перевезти надо будет — машину не придётся заказывать...

Старшина задумался. С такой стороны он не думал. А что — лишние неучтённые колёса никогда не помешают.

— Ну раз так сильно хочешь — давай. Только никаких новых деталей я тебе не дам. Если что надо — вон кузня, вон депо, сам делай.

И Анисим сделал. Так что через два месяца он уже гонял по базе на пыхтящем чуде технике. Ну как гонял — конструкция способна была разогнаться максимум километров до шести в час. Трусцой быстрее... Но собранную на двух мостах от остатков полуторки и с использованием её же кузова тракторную тележку она таскала исправно. И не только по базе. Кому в посёлке дров привезти надо, кому торфа, кому навоза, кому покос окосить прицепной косилкой — конную этот недотрактор вполне тянул... Конечно, исключительно с разрешения Никодима Евграфыча. Но тот, как правило, разрешал. У них тут не колхоз, чай, с трактористом по-свойски за бутылку не договоришься. А хозяйства у людей в посёлке при базе имелись. И довольно обширные. А куда деваться — тут не город, за десятком яиц или бутылкой молока в магазин не сбегашь. Даже хлеб частенько самим печь приходится... К тому же Анисим всегда делился людской благодарностью. Нет, деньги давали очень редко, а вот яйца, хлеб, колбаску свиную домашнюю, «пальцем пиханную», дичину народ совал. Ну и самогончику тоже. Но её Анисим в основном отдавал старшине. Не очень он её уважал.

Да и пить в части можно только очень аккуратно. Ежели каждый вечер после подобного «калыма» парень напиваться станет — так эту его побочную работу быстро замполит прикроет. А Анисим этого очень не хотел. База-то в глухом лесу стояла — два года перед глазами только лес, военные и паровозы. А тут в люди выбираться начал. Девочек увидел. Да и жрачка теперь куда вкуснее была. Вот он и берётся, сразу же отдавая самогонку старшине. А то стоит бутылку в казарму принести — ушлый народ сразу же на выпивку раскрутит. И всё — амба приработку...

Осенью Анисим проводил на дембель своего друга — ефрейтора Гогохия. Они обнялись, после чего абхаз снова начал зазывать его к себе домой. В Абхазию. Причём не погостить, а насовсем. Жить.

— Приезжай, брат! Жену тебе найдём! У меня сёстры — такие красавицы...

Если откровенно — Анисим серьёзно задумался над этим вариантом. А чего, место благодатное — море, горы, солнце. Всё растёт — груши, мандарины и всякие диковинные фрукты. Да сухую палку воткни — и та через неделю листики выбросит! Опять же, железная дорога есть. То есть и где работать найдётся... Но пока это были просто мысли. Потому как служить ему ещё и служить. А вот друг ушёл. То есть не будет у них больше ночных посиделок с чаем (и не только), рассказов, жарких споров... Гогохия так же оказался любителем истории, и они много спорили о разных вещах. Например, о покорении русскими Кавказа, Крымской и Русско-турецкой войнах. На них у Гогохия был довольно оригинальный взгляд, очень сильно отличающийся от той истории, которую им преподавали в школе... Но одним этим их беседы не ограничивались. Абхаз любил химию, потому как призвался с первого курса химического факультета Грузинского политехнического института имени Ленина, в который поступил после медучилища, и знал множество различных баек. Например, он рассказал Анисиму, что анилин,